

Гейлу предстояло не просто прорваться к намеченной цели. На его плечах лежал Малыш Тони, и Гейл обязан был защитить его любой ценой. Каждый удар, каждый шальной выстрел он принимал на себя — мальчику нельзя было получить ни царапины, ведь его кровь тоже была смертельным ядом.

Впереди уже маячили тыловики Легиона Серебряного Орла и плотные строи боевых роботов. Потеряв два транспортника, враг заметно засуетился — защитные протоколы сработали мгновенно, стягивая к отсекам все доступные силы.

Но Гейл, не колеблясь ни секунды, ринулся прямо на них. В этом отчаянном рывке сквозила безумная скорость и абсолютная, нерушимая решимость.

Он понимал: исход всей битвы решается здесь и сейчас. Если не перерезать линии снабжения Серебряного Орла, то в затяжной бойне даже гений Вивиан не спасет их от превосходящих сил противника. Тем более когда против них играет столь грозный тактик, как вице-адмирал Фан Айюнь.

Это был бой не на жизнь, а на смерть. Их единственный, призрачный шанс. У него не оставалось выбора — приказ должен быть выполнен.

— Гейл, переходи к плану «Б»! — в ухе раздался тревожный голос Валентина.

Тот понимал, что Гейл физически не успевает. Фан Айюнь среагировала быстрее, чем они рассчитывали, отправив на перехват полковника Эндрю — одного из самых одаренных молодых офицеров легиона. Сейчас лучшим выходом для Гейла было немедленное отступление.

Не только Валентин, но и сама Вивиан уже отдала приказ отходить.

Однако Гейл перенастроил канал связи на своих людей и скомандовал:

— Всем покинуть транспортный корабль! Ждите в точке эвакуации!

— Генерал!

Игнорируя испуганные выкрики подчиненных и настойчивые требования Валентина, Гейл сорвал коммуникатор с уха и швырнул его в сторону.

— Малыш Тони, страшно?

— Нет, — раздался из-под плотных слоев защитной одежды еще совсем детский, но удивительно твердый голосок. — Я не боюсь.

Гейл тепло улыбнулся:

— Вот и отлично. Прорвемся вместе.

Под защитным костюмом у него было надето игровое PVP-снаряжение, поглощающее добрую половину входящего урона. Поверх же сидел особый скафандр, подаренный Валентином — не дешевая реплика, а подлинный артефакт, который тот привез с собой еще из шестнадцатого века. Благодаря невероятной эластичности материала костюм идеально подогнал себя под фигуру Гейла. Только эта двойная броня спасала его от мгновенной гибели под ураганным огнем, не давая замертво рухнуть на металлический пол.

Придерживая Тони за спиной, Гейл выхватил две переносные сжатые лазерные пушки. Подобный калибр обычно ставился только на тяжелые мехи. Преградившие путь солдаты в ужасе попятились.

В их глазах застыло дикое изумление. Как простой человек вообще может удерживать такое оружие и выдержать чудовищную отдачу?!

Гейл не был бессмертным богом, его тело точно так же страдало от перегрузок и разрывалось от боли. Но у него было одно решающее преимущество — феноменальная регенерация. Стоило костям в плечах и предплечьях треснуть от чудовищного импульса выстрела, как игровое тело автоматически запускало исцеляющие навыки, мгновенно восстанавливая разрушенные ткани.

Это шло вразрез со всеми законами физики и биологии, но Гейл давно перестал быть обычным человеком.

Используя прыжок «Подняться ввысь и обнять небо», он взмыл к потолку, а затем стремительным рывком «Шаг по облакам в погоне за луной» проскочил сквозь плотную завесу лазерных лучей. Приземлившись прямо в гущу врагов, он обрушил на них мощную круговую атаку.

«Оседлать шесть драконов» тут же перешло в «Бешеный танец безумного дракона». Золотые призрачные силуэты драконов взметнулись в воздух, ослепляя врагов и заливая и без того яркий коридор яростным янтарным сиянием.

С криком «Рев дракона в 9 небесах» Гейл раскидал преградивших путь боевых роботов и рванул дальше. На бегу он перехватил Тони, прижав мальчика к груди, чтобы закрыть его от выстрелов собственным телом. Подставляя спину под шквал огня, Гейл непрерывно использовал легкую поступь, до предела выжимая возможности игрового перемещения. Его силуэт двоился и метался из стороны в сторону, мешая автоматическим системам прицеливания роботов зафиксировать цель. И все же лазерные лучи сплелись в плотную смертоносную сеть. Спину обожгло дикой, непереносимой болью. Броня выдержала, но два сквозных ранения окрасили его одежду багровым.

Не сбавляя темпа, задыхаясь от боли, он прорвался сквозь первый оборонительный рубеж.

Конструкция этого транспортника полностью повторяла схему второго корабля — именно поэтому Гейл решил действовать в одиночку. В отличие от флагманского судна, здесь не требовалось слаженной работы целого отряда. Все, что ему нужно — добраться до реакторной. Энергетический отсек находился сразу за поворотом, на верхнем уровне, куда вел грузовой лифт.

Тони беззвучно плакал, глядя на залитое потом и кровью лицо Гейла, но отчаянно сжимал кулаки, пытаясь удержать слезы. Он знал: его слезы так же ядовиты, как и кровь, и он панически боялся навредить своему спасителю.

Всю свою недолгую жизнь мальчик не понимал, ради чего коптит небо. Когда Гейл спросил его перед заданием, страшно ли ему, Тони не лгал — смерть его не пугала. Вообще.

Если бы не Легион Надежды, он давно бы наложил на себя руки.

Но сейчас его сердце переполняла странная, теплая благодарность. Он был нужен Легиону. Был нужен генералу Гейлу. Осознание этого приносило ему невиданное ранее умиротворение.

Вновь закинув Тони за спину и придерживая левой рукой, Гейл правой перехватил бамбуковый шест и с размаху обрушил его на подступающих врагов.

«Техника посоха, бьющего собак» славилась своей легкостью и непредсказуемостью. Она опиралась на ловкость и перенаправление чужой силы — классический принцип «четырьмя льянами сдвинуть тысячу цзиней». При этом урон от точных попаданий оставался колоссальным. По сравнению с сокрушительной мощью «Ладони покорения дракона», этот стиль требовал куда меньше энергии. Для Гейла, ведущего бой на истощение с перебитыми от отдачи руками, шест оставался единственным спасением. На то, чтобы бить ладонями, у него просто не осталось физических сил.

Обычные целебные пилюли едва успевали латать раны. Гейл мог бы активировать «Безумный хмельной смех», дающий временную абсолютную неуязвимость, но присутствие Тони связывало его по рукам и ногам. Навык защищал только самого Гейла, оставляя мальчика беззащитным перед вражеским огнем. Подвергать Тони такому риску он не имел права.

Охранники Серебряного Орла до сих пор не догадывались, что целью диверсанта является именно реакторная. Первый транспортник взлетел на воздух слишком быстро, а на втором связь успели полностью заглушить. Из-за инфразвуковых помех координация между отсеками была нарушена. Вражеские солдаты понимали, что на корабль проникли подрывники, но где именно они нанесут удар, оставалось загадкой.

Большинство решило, что безумец рвется к оружейным складам на втором ярусе — детонация арсенала гарантированно уничтожила бы все судно.

К тому же спровоцировать термоядерный коллапс реактора путем простого саботажа — задача колоссальной сложности. Без уникального токсина, вырабатываемого организмом Тони, даже выдающемуся разуму Валентина пришлось бы изрядно поломать голову над формулой цепной реакции. Разумеется, имперским военным и в голову не могло прийти, что диверсия будет осуществлена столь изощренным биологическим путем.

Преодолев еще три блокпоста, Гейл наконец затормозил перед тяжелой гермодверью машинного отделения.

Выстрел из сжатой лазерной пушки вынес замок вместе с куском стальной переборки. Оказавшись внутри, Гейл опустил Тони на пол, и мальчик без лишних слов рванулся к распределительным бакам топливной системы. Сам же Гейл развернулся в проеме, закрывая собой единственный проход. Обливающийся кровью, с зажатым в правой руке нефритово-белым шестом и тяжелым дулом пушки в левой, он едва держался на ногах, навалившись спиной на косяк. По его бледному лицу струился пот, смешанный с грязью и гарью, мокрые пряди черных волос липли к вискам. В его застывшем, лишенном эмоций взгляде сквозила первобытная, пугающая угроза.

— Генерал, уходите! — вдруг звонко крикнул Тони.

Гейл резко обернулся и застыл. Мальчик медленно оседал на металлические плиты пола.

Из его груди торчала рукоять армейского кинжала. Он вонзил его себе прямо в сердце.

В груди Гейла что-то надломилось, отозвавшись тупой, ноющей болью.

Тони все понимал. Он знал, что обуза. Пока он дышит, Гейл костями ляжет, но будет пробиваться наружу вместе с ним.

И мальчик выбрал смерть, чтобы подарить генералу свободу.

Гейл запрокинул голову и припал к горлышку фляги. Холодный алкоголь лился мимо рта, обжигая порезы на лице, попадая в глаза и заставляя их слезиться от едкой смеси спирта и горечи. В этот миг его душу затопила глухая, беспросветная тоска.

«Безумный хмельной смех»... Ему было не до смеха, да и опьянение не шло в израненный разум, но в его движениях заклокотало истинное, первобытное безумие.

Один глоток, один яростный каскад движений пьяного стиля — и раны на его теле затянулись, не оставив даже рубцов.

Оцепившие коридор тыловики попятились, пораженные этой жуткой метаморфозой. Однако у бездушных машин не было страха. Роботы послушно выполняли заложенные алгоритмы и

скопом ринулись в атаку.

Но в руках у Гейла все еще оставалась сжатая лазерная пушка.

В тот миг, когда исполинский силуэт мехи «Джи» вырвался из шлюза обреченного судна, а за его спиной распустился ослепительный огненный цветок аннигиляции, лицо полковника Эндрю исказила гримаса бессильной ярости.

Самого же Гейла взрывной волной чудовищной силы отбросило далеко в бездну открытого космоса.

Эндрю не сумел перехватить даже отступающий арьергард противника — уцелевшие мятежники благополучно погрузились на семнадцать боевых кораблей и скрылись в опасных лабиринтах Моря звездных рифов. Преследовать их в этих секторах было чистым самоубийством.

Потеря трех ключевых тяжелых транспортеров нанесла Легиону Серебряного Орла сокрушительный удар. Снабжение оказалось парализовано. Учитывая, с каким размахом и агрессией вела наступление вице-адмирал Фан Айюнь, полагаясь на шквальный огонь и постоянный напор, дефицит боеприпасов и энергоносителей мгновенно поставил легион на грань катастрофы.

Но Гейл об этом уже не знал.

Космическое пространство подавляло своей бесконечностью. Человечество успело освоить лишь ничтожную крупицу этой бездны. Даже в четырех обитаемых созвездиях большая часть планет оставалась дикими, безжизненными пустошами, застывшими в первозданном безмолвии.

Придя в себя, Гейл мрачно уставился на зависшую перед глазами системную панель. Выбора не было:

****[Вы получили тяжелые ранения. Пожалуйста, выберите действие:]****

****[- Воскрешение на месте]****

Опция возвращения в лагерь попросту отсутствовала!

Только сейчас до него дошел весь масштаб катастрофы. Если бы не ультимативные защитные алгоритмы игровой системы и не вовремя подоспевшая помощь Юлайи, взрывная волна стерла бы его в порошок. От этой мысли по спине пробежал ледяной пот. Не будь у него этого читерского интерфейса, его история завершилась бы окончательным и бесповоротным «Game Over»...

— И где я, черт возьми, оказался? — пробормотал он.

Активировав режим медитации для мехи «Джи», Гейл попытался сориентироваться на местности.

То, что кабина пилота не превратилась в сплюснутую консервную банку, уже граничило с чудом. Сейчас «Джи» выглядел еще более нелепо и хаотично, чем при их первой встрече в Звездной сети — настоящий хлам из груды металлолома. Увы, без инструментов и золотых рук Валентина восстановить внешний контур было нереально. Зато благодаря стопроцентной синхронизации с пилотом, базовая медитация творила чудеса: внутренние системы мехи постепенно возвращались к исходному состоянию.

Игровая система жестко лимитировала порог повреждений — шкала прочности мехи не могла опуститься ниже девяноста девяти процентов. Полное уничтожение было исключено, пока у самого Гейла оставалась хотя бы единичка здоровья в статусе «Тяжело ранен».

Интеллектуальный агент Сяо Джи со стоном перезагрузился и сразу же обрушил на пилота поток яростной брани:

— Придурок! Безмозглый сумасшедший самоубийца!

Пока Гейл пробивался по коридорам вражеского корабля на своих двоих, бортовой ИИ ничем не мог ему помочь и лишь бессильно наблюдал за происходящим. А когда парень наконец запрыгнул в кабину и катапультировался, детонация реактора лишила Сяо Джи чувств прежде, чем он успел высказать все, что думает.

Гейл виновато молчал.

Искин продолжал бесноваться. Будь у него сейчас физическое тело, он непременно расцарапал бы Гейлу лицо в кровь.

— Мать твою за ногу! Ты что, в благородного рыцаря решил поиграть?! Тебе же прямым текстом велели отступить по плану «Б»!

— При плане «Б» погибло бы гораздо больше людей, — тихо, но твердо возразил Гейл. — Я не действовал вслепую. Вероятность успеха плана «Б» не превышала сорока процентов. Половина нашего отряда гарантированно осталась бы в тех коридорах навсегда.

Это были сухие, беспристрастные расчеты системы.

— И поэтому ты решил сдохнуть сам?!

На самом деле у него был жизнеспособный сценарий отхода — шансы выбраться невредимым оценивались как пятьдесят на пятьдесят. Но госпожа Фортуна отвернулась от него в самый неподходящий момент: отряд зачистки задержал его у шлюза всего на две минуты. Впрочем, этот провал подтвердил давнюю догадку Гейла насчет игровой механики. Хотя в малом ему улыбнулась удача.

Система действительно не предусматривала окончательной смерти персонажа — лишь статус критического ранения.

— Ты хоть понимаешь, к чему привела бы твоя гибель? — не унимался Сяо Джи.

— Все обошлось бы. Они сильные, они бы справились.

— Ну надо же, какой самоотверженный герой! — съязвил искин. — Смерть генерала и духовного лидера мгновенно обрушила бы боевой дух Легиона Надежды. Да, они бы дрались как проклятые, чтобы отомстить за тебя. Но какой ценой?!

Гейл промолчал. Возразить было нечего.

— Раз ты такой правый и уверенный в себе, почему до сих пор не связался с Валентином? Кольцо ведь у тебя на пальце! Ты же хочешь узнать, где мы находимся? Ну так давай, звони ему! Живее!

Слова Сяо Джи били не в бровь, а в глаз.

Гейл обвел взглядом унылые безжизненные скалы незнакомой планеты и опустил глаза на кольцо-коммуникатор, едва ощутимо вибрирующее на пальце. Ладно, скрывать бессмысленно — ему просто не хватало духу сделать этот вызов.

Но сообщить, что он жив, было необходимо.

Оставалось лишь набраться смелости и нажать кнопку активации связи. Потому что...

Потому что Валентин сейчас наверняка был в абсолютной, неопикуемой ярости.

<http://bllate.org/book/19793/2000955>